Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/DIVWCG
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

К ПРОБЛЕМЕ СТРАТИФИКАЦИИ ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ (КНЯЗЬЯ РОМАНОВИЧИ В ОЦЕНКЕ КНИЖНИКОВ XIII В.)

© 2024 г. А.А. Пауткин
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 13 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 декабря 2023 г.
Дата публикации: 25 марта 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-136-147

Аннотация: Галицко-Волынская летопись отразила деяния трех поколений Романовичей. Оценки древнерусскими книжниками поступков тех или иных правителей не являются случайными. Они нередко свидетельствуют о переменах в организации летописной работы. Применительно к Волынской летописи второй половины XIII в. показательна фигура Льва Даниловича, обладавшего после смерти отца большими земельными владениями. Его характеристика весьма противоречива. Если в Галицкой и в начальной части Волынской летописи князь показан с положительной стороны, то в годы правления во Владимире Волынском его двоюродного брата Владимира Васильковича Лев Данилович и его сын Юрий предстают как всецело отрицательные фигуры, наделенные множеством негативных свойств. В финале же Волынской летописи заметна неожиданная перемена в оценке Льва Даниловича. Он вновь оценивается положительно, а его поступки удостаиваются похвалы книжника. Данные летописной персонологии свидетельствуют о сводном характере Волынской летописи, отразившей ряд противоречивых свидетельств авторов, служивших своим пером нескольким потомкам Романа Мстиславича. В заключительной части Волынской летописи, вероятно, отразились фрагменты текста, созданного летописцем Мстислава Даниловича, заинтересованного в добрых отношениях со старшим могущественным братом.

Ключевые слова: Юго-Западная Русь, Волынская летопись, историческое повествование, персонология, Романовичи, Лев Данилович, летописный свод.

Информация об авторе: Алексей Аркадьевич Пауткин — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5154-4905

E-mail: apautkin@yandex.ru

Для цитирования: *Пауткин А.А.* К проблеме стратификации Волынской летописи (князья Романовичи в оценке книжников XIII в.) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 1. С. 136–147. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-136-147

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 1, 2024

ON THE PROBLEM OF THE VOLYN CHRONICLE STRATIFICATION (PRINCE ROMAN'S DESCENDANTS IN THE ASSESSMENT OF THE 13TH CENTURY SCRIBES)

© 2024. Alexey A. Pautkin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Received: November 13, 2023
Approved after reviewing: December 19, 2023
Date of publication: March 25, 2024

Abstract: The Galicia-Volyn Chronicle reflected the actions of three generations of Romanoviches. The assessments by ancient Russian scribes of the actions of certain rulers are not accidental. They often indicate changes in the organization of chronicle work. In relation to the Volyn Chronicle of the second half of the 13th century, the figure of Lev Danilovich, who owned large landholdings after his father's death, is indicative. His characterization is very contradictory. If in the Galician and the initial part of the Volyn Chronicle the prince appears in the positive light, then during the reign of his cousin Vladimir Vasilkovich in Vladimir Volynsky, Lev Danilovich and his son Yuri appear as absolutely negative figures, endowed with many unfavorable qualities. At the end of the Volyn Chronicle, an unexpected change in the assessment of Lev Danilovich is noticeable. The chronicler again assesses him positively and praises his actions. The data of chronicle personology testify to the consolidated nature of the Volyn Chronicle, which reflected several contradictory testimonies of scribes who served as their pen to several descendants of Roman Mstislavich. The final part of the Volyn Chronicle probably reflected fragments of the text created by the chronicler Mstislav Danilovich, who was interested in good relations with his older powerful brother.
Keywords: Southwestern Rus', Volyn Chronicle, historical narrative, personology, Romanoviches, Lev Danilovich, chronicle collection.
Information about the author: Alexey A. Pautkin, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5154-4905
E-mail: apautkin@yandex.ru
For citation: Pautkin, A.A. "On the Problem of the Volyn Chronicle Stratification (Prince Roman's Descendants in the Assessment of the 13th Century Scribes)." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 1, 2024, pp. 136–147. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-136-147

Сохранившееся летописание Юго-Западной Руси XIII в. характеризуется многогеройностью. И хотя галицкая часть примерно вдвое богаче в этом отношении, Волынская летопись тоже содержит десятки значимых упоминаний о представителях различных социальных групп. Конечно, особенно подробно летописцы освещают деятельность князей, и прежде всего их интересуют фигуры первой величины. В данном случае это потомки Романа Мстиславича. Перед нами на протяжении почти целого столетия последовательно разворачиваются судьбы трех поколений Романовичей. На них нацелено внимание летописцев, представляющих различные книжные центры региона. В Волынской летописи даже в ряде случаев наблюдается более высокая степень пристрастной эмоциональности в описании конкретной личности. Сам Роман Мстиславич «приснопамѧтныи самодержецъ всеѧ Роуси» [15, стб. 715], начиная с фрагмента его поэтической похвалы, открывающей Галицкую летопись, на всех этапах местного летописания упоминается с особым почтением («добродѣıаньıа вѣкы свѧтѧтьсѧ» [15, стб. 836]). Различие политических и церковных векторов устремлений и соперничество двух центров во второй половине XIII в. не повлияли на общеродовые пристрастия в его характеристике [7, с. 5–13]. Это же можно сказать о его вдове княгине Анне.

Оценки того или иного правителя не случайны. Данные летописной персонологии дают в руки исследователей весьма ценный материал, касающийся как поэтики исторического повествования, так и внутренней структуры летописного текста[1]. За переменами в отношении создателей текста

1 Среди наиболее исследованных в этом отношении — «Повесть временных лет». См., например: [2; 14].

к фигуре князя могут стоять важные события в организации летописной работы. Классическим примером служит принимаемая многими исследователями граница между галицкой и волынской частями, где заметно проявление сдержанности повествователя в оценке личности Даниила Романовича, представленного прежде исключительно комплиментарно, а парное изображение Даниила и Василька, прежде являвшее собой воплощение идеала высоких братских отношений [10, с. 31–38], претерпевает изменение. Кроме того, под 1261 г. Даниил впервые назван вторым при традиционном парном упоминании братьев («брать Василковъ Данило кнѧзь» [15, стб. 848]).

Показательна фигура Льва Даниловича, старшего сына объединителя юго-западных земель. При перечислении потомков Даниила лишь однажды упоминается первенец Ираклий, видимо, умерший в детском возрасте («первѣнѣць во бѣ оу него Ираклѣиѕ» [15, стб. 732]). Лев прожил долгую жизнь и унаследовал многие владения. Как участник событий он впервые упоминается под 1245 г. («ꙗко ни во кои емоу внити младоу сѹщоу» [15, стб. 797]). При жизни отца деятельность Льва оценивается всецело положительно. Он помогает отцу, участвует в походах, а его женитьба на дочери венгерского короля Белы IV Констанции изображается в Галицкой летописи под 1250 г. как дипломатический успех Даниила [15, стб. 809]. В начале Волынской летописи, т. е. во время княжения во Владимире Волынском Василько Романовича, стрыя Льва, лояльное отношение к последнему сохраняется. Он почтителен к престарелому волынскому правителю, признает его авторитет. В дальнейшем Лев весьма противоречиво характеризуется вплоть до финальных известий летописи. Взаимоотношения Романовичей в следующем поколении далеки от идиллических, они развиваются всецело «в духе корыстного XIII в.» [3, с. 359]. Разительные перемены в оценках происходят под пером летописца его двоюродного брата Владимира Васильковича. Неприятие поступков Льва нарастает, достигнув своего апогея в рассказе о болезни волынского князя и борьбе за его наследство.

Переломным событием оказывается убийство Львом «обрусевшего» [8, с. 127] литовского князя Воишелка. Как бы летописец ни относился к литовскому князю, преступление Льва Даниловича для него — важное событие. Осуждение очевидно, хотя его моральные и политические основания выражены не столь однозначно. Вчерашний язычник, крестившись и приняв монашество, передает свои владения Шварну Даниловичу, женато-

му на его сестре. Это вызывает зависть у алчного старшего брата Льва [6, с. 11–28]. Прежде сын Миндовга был скор на кровопролитие, но затем, убоявшись грехов, не только принимает христианство, но и стремится спасаться в монастыре и даже предпринимает неудачную попытку уйти на Афон («во С(вя)тоѹю Горѹ» [15, стб. 831]). Его духовно окормляет старец Григорий, почитаемый в юго-западных землях Руси игумен Полонинского монастыря («бяшеть ч(е)л(о)векъ с(вя)тъ якоже не бѹдеть перед нимь и ни по немь не бѹдеть» [15, стб. 859])[2]. В свое время Воишелк в Галиче крестил сына Льва Даниловича Юрия. Кощунственное преступление против кума-монаха Лев совершает на Светлой седмице в стенах монастыря[3], однако еще на Страстной договаривается с дядей Васильком Романовичем о встрече и приглашении Воишелка. Литовский князь опасается ехать во Владимир Волынский и решается на визит только под гарантии старшего в роде Василька.

Опыт описания подобных происшествий в княжеской среде, конечно, известен волынскому автору. Поэтому, несмотря на краткость данного сообщения[4], обращает на себя внимание присутствие в нем некоторых традиционных мотивов, свойственных так называемым повестям о княжеских преступлениях XI–XII вв. Среди них можно назвать убийство на пиру, нежелание жертвы участвовать в застолье из боязни за свою жизнь, объяснение преступного деяния происками дьявола («дьяволъ же исконѣи не хотя добра ч(е)л(о)в(ечес)комоѹ родоѹ и вложи во с(е)р(д)це явовиѯ» [15, стб. 868]). При этом злодейство совершено самим князем, а не его подданными, исполнявшими княжеское повеление. Сейчас трудно сказать, вызывало ли какие-либо мрачные ассоциации в конце XIII в. название Михайловского монастыря во Владимире Волынском («с(вя)т(о)го михаила великого» [15, стб. 868]), в стенах которого остановился Воишелк, с киевской Михайловской обителью, где в конце XI в. останавливался несчастный Василько Теребовльский после Любечского съезда князей.

2 Именно духовный путь Воишелка привлек внимание книжников XVI в. См.: [1].

3 Светлый праздник Пасхи и его преддверие в Волынской летописи соотносятся с совершенно иными торжественными событиями, контрастирующими с действиями Льва Даниловича. Это обретение нетленных мощей Владимира Васильковича в Страстной Четверг и вступление на Владимирский стол Мстислава Даниловича («князь же мьстиславъ сѣде на столѣ ... на самыи великъ д(е)нь м(еся)ц)а апреля въ і д(е)нь» [15, стб. 932]).

4 Историк С.М. Соловьев называл известие летописи о гибели Воишелка «незатейливым рассказом» [13, с. 180].

Несмотря на краткость рассказа о преступлении, летописец обладает достаточной информацией не только об участниках пасхальной трапезы (Владимир Василькович отсутствует), но и о последовательности их дальнейших перемещений. Встреча, превратившаяся в веселое разговление, происходит на нейтральной территории, в доме немца Маркольта. Это свидетельствует о первоначальном намерении сторон соблюсти подобие дипломатического ритуала. Престарелый Василько, под гарантии которого на встречу приглашен Воишелк, раньше других покидает застолье: «василко же напивъсѧ поѣха домовь спать» [15, стб. 868]. Он как бы выведен автором из-под каких бы то ни было подозрений и не догадывается о возможности драматического развития событий, ведь все довольны и веселы, а взаимные обиды остались в прошлом. Вторым покидает дом Маркольта Воишелк, направляясь в монастырь на ночлег. Повторная роковая встреча литовского князя со Львом, последовавшим за своей жертвой, — свидетельство обдуманной преднамеренности действий убийцы. Даже простодушное упоминание автора о возобновлении безудержных возлияний («коуме напимсѧ и начаша пити» [15, стб. 868]) не способно представить поступок Льва как спонтанное поведение пьяного человека. По словам летописца, убийца никогда не забывал о своем злодеянии. Он предупреждал спустя годы сына от опрометчивых поездок в Литву: «С(ын)оу мои юрьи не ходи самъ с литвою оубилъ ꙗ кнѧзѧ ихъ воишелка либо восхотѧтъ месть створити» [15, стб. 891].

Отметим, что воздержание от пьянства — один из устойчивых мотивов некрологической княжеской похвалы, встречающийся уже в «Повести временных лет». Присутствует он и в похвале Владимиру Васильковичу. Ее создатель дважды прибегает к использованию этого топоса: «питьꙗ же не пи о(т) воздраста своего» [15, стб. 921] и «не помрачи своего оума пьꙗньствомъ» [15, стб. 921]. Стилистически сниженный рассказ о веселье участников пасхального пира резко контрастирует с традиционными обращениями летописца к теме невоздержанного питья. По всей видимости, подобное обытовление должно было послужить еще большему обличению Льва Даниловича.

Из летописного повествования становится ясно, что Лев занимает иную позицию по отношению к Литве, нежели его родичи. Он близок с Тройденом («бо величѣ любви шлючи многы дары межи собою» [15, стб. 871]), тогда как Василько Романович, Владимир Василькович и Шварн Данилович дружны с Воишелком, который «нареклъ бо бꙗшеть василка ѡ(т)ца собѣ и господи-

на» [15, стб. 862]. Однако эта коалиция распадается по естественным причинам, да и владение Литвой русским князем Шварном оказывается очень недолгим. Около 1269 г. умирают и Василько, и бездетный Шварн Данилович. В дальнейшем книжник Владимира Васильковича не жалеет темных красок для характеристики Льва, подчеркивая любое его «бесчестье», превращая этого князя в средоточие различных грехов. Он не только жаден (например, хочет себе «ляшскую землю» после смерти Болеслава) и завистлив (Шварн, напротив, упрашивает Воишелка не оставлять ему княжение: «шварно же молташетьсѧ емоу по великоу абы еще кнѧжилъ с ними в литвѣ» [15, стб. 867]), но и лжив («лесть оучини межи братьею своею» [15, стб. 873]). Он исполнен гордыни («не потвори ихъ людми противоу себе» [15, стб. 873]), охотно, без принуждения сотрудничает с татарами [15, стб. 871] и, наконец, не может повлиять на собственного сына Юрия, проявляющего корыстное непочтение к старшим.

Самостоятельная деятельность Юрия Львовича пришлась на начало XIV в. Этот период истории Юго-Западной Руси оказался за пределами сохранившегося летописного источника. Поэтому нет возможности судить о принципах отражения княжения Юрия местными книжниками. На страницах Волынской летописи он показан столь же своекорыстным и неуживчивым, как и его отец. Юрий захватывает Берестье, опираясь на часть местной знати. На него не действуют увещевания законного наследника. Даже когда удается его изгнать из города, сославшись на обращение к татарам, оказывается, что все разграблено. Летописец сообщает: «пограбивъ всѣ домы стрыѧ своего и не ѡставѧ камень на камени в берестьи и в каменци и в бѣльскии» [15, стб. 931]. В отличие от оценок летописцами Льва Даниловича, претерпевающих неожиданную трансформацию, отрицательный образ молодого князя так и остается неизменным до того момента, когда обрывается летописное повествование. Хитрости отца противопоставляется ничем не прикрытая ставка на силу. Только неизмеримо большая угроза ордынского возмездия заставляет Юрия отступить, когда Мстислав намеревается обратиться к этой третьей силе («при ц(а)рѣхъ и при его рѧдцѧх» [15, стб. 929]).

Логика авторских предпочтений и оценок при жизни Владимира Васильковича очевидна. С вокняжением же на Волыни по его завещанию Мстислава Даниловича заметна удивительная перемена в отношении книжников ко Льву Даниловичу. Это происходит не сразу. Зима и начало весны 1289 г. (до Пасхи) — период своеобразного междуцарствия, вероятнее

всего, время написания знаменитой похвалы Владимиру Васильковичу, которая создавалась прежним автором[5]. А вот под 1291 г. неожиданно возникает характеристика Льва, резко контрастирующая с предшествующим нарративом. Его появление вызывает бурную радость у подданных, деяния сопряжены уже не с «бесчестьем», а с получением «чести великой». «бра(т) мьстислав(л)ь с(ы)нъ королевъ вноукъ романомъ» [15, стб. 935] идет к Кракову на помощь польским князьям. Здесь явно учтен галицкий опыт описания визитов короля Даниила Романовича к западным соседям через восторженную его оценку чужеземцами: «зане бы(сть) левъ кнѧзь доуменъ и хороборъ и крѣпокъ на рати немало бо показа моужьство свое во многыхъ ратѣхъ» [15, стб. 935].

Данные летописной персонологии свидетельствуют в пользу выдвинутой в свое время Т.В. Пашуто гипотезы о сводном характере Волынской летописи [11, с. 109–130]. И.П. Еремин, придерживавшийся противоположной точки зрения [4, с. 102–116], вскользь отмечал перемены в оценках князей, но не придавал этому принципиального значения [5, с. 88]. Возможно, это противоречило не раз высказывавшейся им идее о так называемых «князьях-хамелеонах»: «Герой мог “перевоплощаться” у летописца, и неоднократно, переходя из одного эпизода (фрагмента) своей биографии в другой» [5, с. 88]. Исследователь, опираясь на текст «Повести временных лет» (суммарная характеристика Ярослава Мудрого), имел в виду перевод героя в разные планы повествования (например, агиографический). Волынская летопись в силу ее местного характера и иного масштаба повествования не позволяет принять подобное объяснение.

Мстислав Данилович не часто упоминается в рассказе, предшествующем описанию болезни Владимира Васильковича. До этого он довольствуется немногим, владея Луцким княжеством. Он совершает ошибки, за что его упрекает умирающий Владимир: «ѡже єѧко чиниши надо мною... ıазъ же оу васъ трехъ избралъ есмь тебе ѡдиного и далъ ти есмь землю свою всю и городы по своемь животѣ» [15, стб. 900]. Но все-таки он представлен всецело положительно: «кнѧзь же мьстиславъ бıашеть легосердъ» [15, стб. 929], «правдолюбьемь свѣтѧсѧ ко всеи братьи своеи и къ боıаро(м) къ простымъ людемь» [15, стб. 933]. Заметим, эта же фраза знаменует собой вступление на владимирский стол и его предшественника, самого Владимира Васильковича [15, стб. 870]. Данное совпаде-

5 А.Н. Насонов полагал, что текст, написанный при Владимире Васильковиче, редактировался и дополнялся уже при Мстиславе Даниловиче [9, с. 234].

ние можно рассматривать и как топос, и как частное свидетельство того, что после кончины Владимира Васильковича его летописец еще какое-то время продолжал свою деятельность. В финальной части летописи, скорее всего, использованы краткие фрагменты текста, созданного книжником Мстислава Даниловича, заинтересованного в хороших отношениях с могущественным старшим братом, завладевшим к этому времени обширными землями.

Но возможен и иной вариант — включение элементов несохранившейся посмертной похвалы Льву Даниловичу, использованных позднейшим сводчиком. На это может указывать традиционное перечисление качеств князя. Ведь Лев Данилович пережил своего брата Мстислава и в конце жизни, избавившись от конкурентов, вновь, как это было при его отце, объединил под своей рукой Галичину и Волынь. Процессы то дробления, то объединения, происходившие на юго-западе Руси и справедливо названные О.М. Раповым «волнообразными» [12, с. 237], не могли не повлиять на структуру сохранившихся летописных памятников региона. Волынская летопись в полной мере отразила накал междоусобной борьбы князей, вынужденных считаться с присутствием ордынцев, и динамику смены правителей.

Список литературы

Исследования

1 *Андреева В.А.* «Измени ризы своя черническиа»: образ Воишелка Литовского в «Степенной книге» // Макариевские чтения. 2023. С. 435–441.

2 *Демин А.С.* Изображение древнейших героев в «Повести временных лет» // *Демин А.С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 232–256.

3 *Демин А.С.* Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы (источниковедческие очерки). М.: Языки славянских культур, 2019. 496 с.

4 *Еремин И.П.* Волынская летопись 1289–1290 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 102–116.

5 *Еремин И.П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л.: Наука, 1966. 263 с.

6 *Кибинь А.С.* Литовский князь и индийский царевич: в поисках сходства (история о Войшелке) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 2 (11). С. 11–28.

7 *Котляр Н.Ф.* Идейно-политическое кредо Галицко-Волынского свода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 5–13.

8 *Любавский М.К.* Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. Минск: Беларуская навука, 2012. 397 с.

9 *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в.: очерки и исследования / отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. 555 с.

10 *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во МГУ, 2002. 285 с.

11 *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 327 с.

12 *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ, 1977. 261 с.

13 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. II. 784 с.

14 *Шайкин А.А.* Повесть временных лет. История и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 615 с.

Источники

15 Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. 648 с.

References

1 Andreeva, V.A. "'Izmeni rizy svoia chernicheskia': obraz Voishelka Litovskogo v 'Stepennoi knige'." ["'Change Your Monastic Robes': Image of Voishelk of Lithuania in 'The Book of Degrees'."] *Makarievskie chteniia*, 2023, pp. 435–441. (In Russ.)

2 Demin, A.S. "Izobrazhenie drevneishikh geroev v 'Povesti vremennykh let'." ["Depiction of the Most Ancient Heroes in 'The Tale of Bygone Years'."] Demin, A.S. *Poetika drevnerusskoi literatury (XI–XIII vv.)* [*Poetics of Old Russian Literature (11th–13th Centuries)*]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 408 p. (In Russ.)

3 Demin, A.S. *Istoricheskaia semantika sredstv i form drevnerusskoi literatury (istochnikovedcheskie ocherki)* [*Historical Semantics of Means and Forms of Old Russian Literature (Source Studies Essays)*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)

4 Eremin, I.P. "Volynskaia letopis' 1289–1290 gg." ["Volyn Chronicle of 1289–1290"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 13. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1957, pp. 102–116. (In Russ.)

5 Eremin, I.P. *Literatura Drevnei Rusi (etiudy i kharakteristiki)* [*Literature of Ancient Rus' (Studies and Characteristics)*]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 263 p. (In Russ.)

6 Kibin', A.S. "Litovskii kniaz' i indiiskii tsarevich: v poiskakh skhodstva (istoriia o Voishelke)" ["Lithuanian and Indian Prince: In Search of Similarities (The Story of Voyshelk)"]. *Peterburgskie slavianskie i balkanskie issledovaniia*, no. 2 (11), 2011, pp. 11–28. (In Russ.)

7 Kotliar, N.F. "Ideino-politicheskoe kredo Galitsko-Volynskogo svoda" ["Ideological and Political Credo of the Galician-Volyn Chronicle"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 4 (22), 2005, pp. 5–13. (In Russ.)

8 Liubavskii, M.K. *Ocherk istorii litovsko-russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vkliuchitel'no* [*Essay on the History of the Lithuanian-Russian State Up to and Including the Union of Lublin*]. Minsk, Belaruskaia navuka Publ., 2012. 397 p. (In Russ.)

9 Nasonov, A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia XI – nachala XVIII v.: ocherki i issledovaniia* [*History of Russian Chronicles of the 11th – Early 18th Centuries: Essays and Studies*], ed. B.A. Rybakov. Moscow, Nauka Publ., 1969. 555 p. (In Russ.)

10 Pautkin, A.A. *Besedy s letopistsem: Poetika rannego russkogo letopisaniia* [*Conversations with a Chronicler: Poetics of Early Russian Chronicles*]. Moscow, Moscow State University Publ., 2002. 285 p. (In Russ.)

11 Pashuto, V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi* [*Essays on the History of Galicia-Volyn Rus'*]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950. 327 p. (In Russ.)

12 Rapov, O.M. *Kniazheskie vladeniia na Rusi v X – pervoi polovine XIII v.* [*Princely Possessions in Rus' in the 10th – First Half of the 13th Century*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977. 261 p. (In Russ.)

13 Solov'ev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [*History of Russia from Ancient Times*], book 2. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1960. 784 p. (In Russ.)

14 Shaikin, A.A. *Povest' vremennykh let. Istoriia i poetika* [*The Tale of Bygone Years. History and Poetics*]. Moscow, Russkaia panorama Publ. 2011. 615 p. (In Russ.)